

Ужин в этот вечер походил на настоящий пир. Ин Фэйчи, совершенно не смысливший в деревенских делах, взял на себя простейшую задачу — подкидывать дрова в печь.

В деревне Гуаньцзян жили бедно, поэтому готовили в чугунных котлах-треногах. Это была массивная, грубо отлитая посуда: черное дно, сужающееся кверху, тяжелая крышка и дужка из толстой проволоки. Готовить в таком котле было непросто: сначала рис промывали, доводили до кипения, затем сливали лишнюю воду и томили до готовности, не отходя ни на шаг.

Решив, что этот способ слишком утомителен, он прибегнул к городской хитрости — приготовить рис на пару. Он соорудил из щепок импровизированную подставку, поставил на неё большую чашу с крупой и водой и велел Ин Фэйчи следить за огнем, пока сам разбирал покупки.

Наблюдая, как Чжоу Мань расставляет диковинные ножи и прочую утварь, Ин Фэйчи кожей чувствовал свою никчемность. Мир, в который он попал, оставался для него книгой за семью печатями.

— Чжоу Мань, — тихо позвал он, и в его голосе прозвучала затаенная тревога, — ты не мог бы научить меня... как стать здесь своим?

Чжоу Мань обернулся:

— Значит, ты решил остаться? Не будешь искать путь назад?

— Да, — твердо ответил Ин Фэйчи. — Я всё решил. Помоги мне, пожалуйста.

Чжоу Мань кивнул:

— Почему бы и нет. Буду считать, что у меня появился очень необычный ученик.

— Ученик? — Ин Фэйчи нахмурился.

В школе Ланфэн законы были суровы: адептам запрещалось менять наставников или тайно обучаться у других мастеров. Хотя глава Цинсюнь-цзы никогда не жаловал его, учитель Тайцин-цзы души в нем не чаял. Впрочем... Кто знает, когда он сможет достичь бессмертия и вернуться домой? А Чжоу Мань был так добр к нему, что Тайцин-цзы наверняка бы его не осудил.

Приняв решение, Ин Фэйчи не колеблясь опустился на колени. Трижды коснувшись лбом пола, он произнес со всей торжественностью:

— Учитель, примите поклон вашего верного ученика.

Чжоу Мань, впервые столкнувшийся с подобным древним ритуалом, поспешно подхватил юношу под локти, поднимая с колен.

— Ну-ну, брось. Сейчас так не принято. Никогда больше не кланяйся мне так, договорились?

Он ласково взъерошил волосы парня. В темной комнате было не разобрать, покраснел ли тот от смущения.

— Всё в порядке, — прошептал Ин Фэйчи. — Я сделал это по доброй воле.

— Эх, ты... — вздохнул Чжоу Мань. — Следи за огнем. Я пока зажгу свет и начну учить тебя местному наречию — тому самому, на котором говорит Чэнь-агун. Почти все в деревне общаются на диалекте, но в городе ты услышишь «гобяо» — стандартную речь, почти как ваш официальный язык. Именно поэтому я и хотел отправить тебя учиться в город.

Ин Фэйчи яростно затряс головой:

— Никуда я не поеду! Я лучше буду здесь с тобой лесной картофель грызть!

Чжоу Мань замер, невольно коснулся головы ребенка еще раз и молча принялся за керосинку.

Готовую лампу можно было купить, но Чжоу Мань экономил каждый грош, поэтому взял лишь стеклянную банку с широким горлом и горелку. Отыскав кусок старой проволоки, он согнул из неё крепление для фитиля и плотно обмотал горлышко, соорудив надежную ручку. Затем влил керосин и, дождавшись, пока фитиль пропитается, чиркнул спичкой.

Самодельная лампа вышла на славу: в отличие от покупных, у неё не бились плафоны, а переносить её за проволочную ручку было куда удобнее — точь-в-точь старый штормовой фонарь.

Пока руки были заняты делом, Чжоу Мань учил Ин Фэйчи обиходным фразам.

— «Се-се» — это «спасибо». «Мэй юн лэ» — «не нужно»...

Ин Фэйчи ловил каждое слово на лету. Его разум, привыкший к заучиванию сложнейших сутр, легко впитывал новые звуки, хотя произношение давалось с трудом. Глядя на такие успехи, Чжоу Мань решил, что завтра же возьмет его с собой. Нужно было уладить дела с бамбуковой рощей. Но прежде следовало решить вопрос с одеждой.

Достав свои старые детские вещи, которые он успел постирать (Ин Фэйчи, привыкший к заклятиям Очищения Одежды и Тела, даже не подозревал о существовании стирки), Чжоу Мань протянул их юноше.

Увидев короткие шорты, Ин Фэйчи густо покраснел:

— Я... я...

Нужно было привыкать к местным нравам, ведь он не мог вечно прятаться в доме. Ин Фэйчи схватил одежду и, выставив Чжоу Маня за дверь, выпалил:

— Я сам!

— Ладно, — отозвался Чжоу Мань, закрывая дверь. — Там внутри короткое белье, надень его сначала под штаны!

— Да знаю я! — голос Ин Фэйчи дрогнул от досады и смущения.

Окна в хижине были мутными, и он забился в самый темный угол за дверью. Сама мысль о том, что Чжоу Мань находится всего в шаге, пока он сам нагишом, заставляла сердце биться чаще. Ин Фэйчи торопливо переоделся, но тут возникла проблема. Чуть не плача, он тихо позвал:

— Чжоу... Чжоу Мань...

— Что случилось? — отозвался тот из-за тонкой дощатой перегородки.

— Твоя одежда... слишком велика, — голос Ин Фэйчи был едва слышен. — Она с меня спадает.

Чжоу Мань негромко рассмеялся:

— Не беда. Придержи штаны ипусти меня.

Ин Фэйчи, сгорая от стыда, одной рукой вцепился в пояс, а другой открыл дверь. Когда Чжоу Мань вошел, юноша уставился в пол, не смея поднять глаз.

«Совсем еще ребенок, стеснительный до невозможности», — подумал Чжоу Мань. Успокаивающе коснувшись его макушки, он достал иголку с ниткой.

— Сейчас подправим. Стой смирно и отпусти руки, я не дам штанам свалиться.

Ин Фэйчи безоговорочно доверял ему. Стоило Чжоу Маню погладить его по голове, как тревога отступила. Он послушно разжал пальцы. Одежда и впрямь осталась на месте: Чжоу Мань присел перед ним на корточки, одной рукой ловко подвернул лишнюю ткань на поясе, а другой принялся прошивать её крупными стежками.

Ин Фэйчи смотрел сверху вниз: на синюю повязку, обернутую вокруг головы Чжоу Маня, на его прямые, волевые брови. Плечи Чжоу Маня были широкими и крепкими — таких Ин Фэйчи не видел никогда прежде. И этот сильный, надежный человек, за которым чувствуешь себя как за каменной стеной, сейчас сидел на земле и латал для него обноски.

В груди у Ин Фэйчи разлилось странное тепло — неизведанное, уютное и надежное чувство. Сердце забило быстрее, словно внутри него проросло крошечное зернышко, которое ворочалось и рвалось наружу. Он не мог отвести взгляда от плеч Чжоу Маня.

— Готово, — Чжоу Мань поднялся. — Запасной повязки нет, так что иди с непокрытой головой. Пошли, нам пора.

— А... да, — невпопад ответил Ин Фэйчи, следуя за ним.

Странное чувство исчезло так же внезапно, как и появилось, не оставив после себя и следа, который можно было бы облечь в слова. Но что-то всё же изменилось. Ин Фэйчи шел на полшага позади, и его взгляд то и дело прикипал к спине спутника. С этого мгновения ему почему-то стало жизненно важно смотреть именно на эти широкие плечи.

Они казались надежными и крепкими. А что, если ударить по ним кулаком? Больно будет руке? А если прислониться — каково это?

Бедный Чжоу Мань и не подозревал, какая буря эмоций бушует за его спиной. В прошлой жизни он до сорока лет оставался одиноким, и во многом виной тому была его поразительная душевная черствость в подобных вопросах.

Они добрались до места под названием Маочжупин. Чжоу Мань отыскал деревенского старосту У Дуна и попросил его пойти вместе к дому Лу Юня.

Староста, который сам вырастил Чжоу Маня и уважал его как единственного учителя в этих краях, согласился без лишних слов. Он понимал, что Лу Юнь поступил скверно.

Миновав реку и рисовые поля, они подошли к дому. Лу Юнь уже ждал их, сидя на каменном пороге и неторопливо затягиваясь табаком из длинной трубки.